

Вознесенский не хотел выставляться с молодым художником Войновичем, но потом передумал

В четверг в Государственном Литературном музее (Трубниковский, 17 — это переулок, который соединяет Поварскую, бывшую Воровского, с Новым Арбатом) открылась выставка с двойным названием «Писатели-художники, художники-писатели».

А телевидения-то понаехало! А пишущих! А фотокоров! Софитов свет слепит до черноты, вспышки, вспышки, вспышки — ага, довспыхивался, пленку перематывает. Вопросы есть? Вопросы есть, но хрен я их задам, при всех-то. Чтоб я задал, а потом чужие газеты напечатали? Пресс-конференция — для ленивых, а неленивые и, главное, физически неслабые потом растащат вас, классики вы наши, по углам, и диктофон — в рот, вопрос — в лоб. Эксклюзив называется.

Мой главный вопрос я сегодня не задам. Он даже не в лоб, а ниже пояса, а бить ниже пояса своих как-то рука не опускается. Они мои. Они держат последний бастион литературы ручной выделки. Вознесенский, Войнович, Сапгир, Нарбикова Валерия Спартаковна и другие, не пришедшие на открытие своей выставки или ушедшие из жизни.

Но по порядку, как говаривал один мой знакомый хирург-травматолог над операционным столом.

Художников, извините, коснусь вскользь. Целков, Шемякин, Комар и Меламида, «Лианозовская группа» — уже по перечню посвященные могут догадаться, что их работы предоставил неутомимый собиратель и пропагандист нонконформистов Александр Глезер. Кстати, от него я узнал, что Вячеслав Полищук, который в прошлом году потряс заинтересованную часть Москвы своей «армейской» серией картин и «армейской» книжкой (впрочем, не явившейся открытием после календарного «Стройбата»), в прошлом же году и эмигрировал в Америку.

А теперь о писателях-художниках. На них и собрались. Потому что когда художник пишет, положим, мемуары, это неудивительно. Мемуары и полковники пишут. А вот когда писатель пишет картины, это уже на журналистском сленге называется жаренкой. Это котируется наравне с поимкой серийного убийцы и далеко обгоняет крысу величиной с поросенка. Отсюда и мой вопрос ниже пояса: «А скажите, любимицы вы наши, вы твердо уверены, что презентация вашей новой книги вызвала бы такой же ажиотаж? Что столько же понаехало бы и телевидения, и пишущих, и фотокоров? Поймите правильно: я не уличаю и не обличаю. Я для себя хочу понять: может быть, так оно и надо в нашу рекламную паузу между XX и XXI веками?»

А не задал я этот вопрос еще и потому, что он из разряда «дохлых»: на него самому себе ночью не каждый искренне ответит, а журналиста — с какой стати? Я ходил вокруг да около, и вот как мне отвечали.

Вознесенский

— Андрей Андреевич, некоторые ваши видеомы — Баркова, например — я вижу уже несколько лет. Это у вас такой сложившийся выставочный набор?

— Вы не могли видеть Баркова, потому что он ни разу в Москве не выставлялся.

— Как же, в Политехническом, года два назад.

— Так тогда я показывал слайд. Она была в Германии, в Париже, в Нью-Йорке, а в Москве даже в Музее изящных искусств ее не было. Здесь у меня несколько работ попросили, и я сдал. А вот, например, эти работы с лупами — такого не было. (Речь о двух инсталляциях, где к печатной строке прикреплены лупы, увеличивающие часть букв. «Мысли вождя» по Вознесенскому: «ковры, ковры, ковры», а «Компра» — «компра, компра, компра». — Е.Н.) Молитва, она от повторения не портится, по-моему. Тем более что к Баркову еще люди не привыкли, чем больше его показываешь, тем будет лучше. Что касается видеомы, то у меня сейчас новая серия есть: лапки. Где-то я уже вышел за плоскость — Барков уже объемная вещь, — где-то идет сочетание со звуком. Так что это все продолжается.

Войнович

— Владимир Николаевич, вы считаете, что писателю нужно паблисити помимо литературного?

— Я не Наполеон, я о паблисити специально не думаю. Я рисую не для того, чтобы создать себе паблисити. Может быть, я тогда танцевать бы стал или петь.

— Но выставляясь, вы, наверное, думаете о паблисити?

— Я выставляюсь, когда мне предлагают. У меня сразу началось с персональной выставки, и я был очень смущен. Боялся, что придут, будут смеяться. А потом смотрю — ничего. Конечно, мне приятно, когда не особо ругают, но чтобы специально думал... Я и как писатель никогда специально не думал о паблисити. Может, это и неправильно, сейчас такое время, что об этом надо заботиться. Но я без этого прожил почему-то...

Сапгир

— Генрих Вениаминович, зачем эти рубашки? (На выставке — три рубашки с написанными на них тушью сонетами. — Е.Н.)

— Сейчас, может, и незачем. Но в 75-м году они были затем, чтобы показать публике сонеты, которые я писал — я нигде их напечатать не

мог. Мои друзья, молодые художники, сначала шли под бульдозеры, потом выставлялись в Измайловском парке — тоже наша художественная история, если вы помните. А потом павильон «Пчеловодство» начальство им дало на ВДНХ. Я написал три сонета — «Тело», «Дух» и «Душа» — и повесил их в этом павильоне как картины. Начальство, правда, было недовольно: а где «лит»? И рубашки сняли как не прошедшие цензуру. Теперь это воспоминание о тех временах.

— Продолжать цикл не собираетесь? К примеру, на штанах?

— Да нет, ну что вы. А вообще я считаю, что может быть вещиизм, что как плакаты могут быть написаны, так могут быть написаны и стихи. Повесить, например, плакаты поперек Тверской: «Бог видит нашими глазами — вот отчего мы видим сами». Может, кто-нибудь бы падал, а кто-нибудь светлел душой.

Нарбикова

— Валерия Спартаковна, на пресс-конференции вы говорили в том духе, что людям просто в удовольствие рисовать, и они рисуют. А выставляться зачем — продолжение удовольствия?

— На самом деле никто ничем не занимается. Все люди, которые рисуют, пишут, они смешные такие путешественники, они путешествуют по жизни. И если у них что-то удастся, они в меру своего таланта делают все параллельно, а не то что кончают писать и начинают рисовать... Есть такие люди — как бы античные. Для меня античность — верх совершенства, когда можно было одновременно заниматься в разных жанрах: писать музыку, сочинять тексты, рисовать. А потом люди стали заниматься чем-то одним... Эта выставка для меня дорога тем, что эти художники, писатели — вроде как такие дураки, потому что все остальные люди занимаются делом: сидят на работе, в банке. А эти вроде как дураки: ничем не занимаются, сидят дома и рисуют. Как дети. Эта способность зависит уже только от таланта.

Наталья Реброва, старший научный сотрудник ГЛМ, собирала часть выставки буквально по домам писателей. Ее я спросил, как они реагировали на предложение выставить свои работы.

— Петрушевская Людмила Стефановна никогда не выставлялась и была немножко смущена этим обстоятельством. К тому же работы у нее висели на стенах, и ей было очень тяжело с ними расстаться, пусть хоть на время, но тем не менее она отважилась. По-моему, чудесные совершенно и букеты, и портреты ее семьи. Выставка началась с Войновича, и здесь он первый на афише. Он был очень рад, потому что за рубежом, где он выставлялся, его фамилия всегда была последней — по латинскому алфавиту. Я ему позвонила за день до его отъезда в Германию, и если бы не успела его застать, то работы его не были бы на выставке. Он очень беспокоился, звонил из Германии: какие работы взяли, сколько — как молодой художник очень трепетно отнесся к этому. Нарбикова выставлялась уже много раз, здесь просто нет вопроса. Нам дали работы из семьи Сергея Шервинского — тоже сомневались, потому что непрофессиональный художник, но работы, по-моему, очень хорошие и впервые экспонируются. Очень большая коллекция у Натальи Ивановны Штейнберг — мы взяли работы Аркадия Акимовича Штейнберга и довольно полно представили его живопись и графику. У Андрея Андреевича Вознесенского была целая история. Выставка была заявлена как «Писатели рисуют», непрофессиональная. Он считал, что это дилетантизм, и сомневался, давать ли свои работы. Приехал к нам сюда, и я ему показала и Штейнберга, и Шервинского. В результате он в течение нескольких дней подвозил свои работы, сам сделал развеску, и у него получился один из самых больших залов. Вдова Юрия Левитанского тоже со стен сняла его работы с трепетом.

— Ваша выставка, например, к 100-летию Есенина собирала столько прессы?

— Нет, конечно. Литературная экспозиция — она же читается, а не смотрится. А эта выставка достаточно проста для восприятия. Материального положения музея она не поправит, просто зал стоял пустой с начала года, как нам сняли финансирование... С 90-го года у нас нет денег на закупку, книжные фонды не пополняются. Если кто-то что-то подарит с этой выставки — пополним фонды. В бедственном положении музея, разве вы не знаете? А ведь это дом Ильи Семеновича Остроухова, художника, коллекционера. Сама атмосфера здесь чудная.

Сплетенка

В одну из картин Владимира Войновича врезаны настоящие часы: будильник и наручные. Будильник электрический, а наручные часы механические. Они останавливаются. И молодой художник Войнович, как уже отмечалось, трепетно относящийся к своей выставке, приезжает их завести. Если придете на выставку, может быть, застанете его за этим занятием.

Евгений НЕКРАСОВ

Фото Юрия КОЧЕТКОВА.

Концерн «ВМ»